

Елена Викторовна Рудникова¹
elena.rudnikova@mail.ru

«СПИСОК ЛИПСКОГО»: К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ НАНАЙСКОГО ШАМАНИЗМА

Статья посвящена одному из важных аспектов традиционной культуры коренных народов бассейна Нижнего Амура — шаманизму. На основе экспертных оценок констатируется факт окончания активных полевых этнографических исследований нижеамурского шаманизма. Обсуждается вопрос о возможных направлениях изучения этого феномена в современных условиях. Предлагается обратить внимание на биографии шаманов, чья жизнь прошла в дореволюционный и советский период. Подчёркивается очень слабая изученность этой темы в отечественной историографии. В качестве демонстрации потенциала такого вектора исследований привлекается всего один из многих, ранее не публиковавшихся архивных документов — «Предварительный список шаманов Нанайского района» (далее — «Список Липского»), сделанный в 1936 г. известным дальневосточным этнографом А.Н. Липским (1890—1973). На основе этого источника с привлечением выводов некоторых исследователей рассматривается вопрос о численности и деятельности шаманов в 1930-е гг. у нанайцев — самого многочисленного среди коренных нижеамурских народов. Характеризуется общий исторический фон этого времени. Анализируется происхождение и содержание «Списка Липского». Подчёркивается, что имеющаяся там информация — наряду с изучением семейных историй, генеалогий и коллекций — даёт возможность продолжать исследования института шаманизма у народов этого региона и в настоящее время.

Ключевые слова: коренные народы бассейна Нижнего Амура, нижеамурский шаманизм, репрессированные шаманы, нанайцы, А.Н. Липский.

Elena V. Rudnikova¹
elena.rudnikova@mail.ru

«THE LIST BY LIPSKIY»: TO QUESTION OF THE NANAY SHAMANISM'S STUDIES

The article focuses on one of the important aspects of the traditional culture of the indigenous peoples of the Lower Amur basin. It's the shamanism. Based

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

on expert assessments, it is stated that active field ethnographic studies of Lower Amur shamanism have been completed. The question of possible directions for studying this phenomenon in modern conditions is being discussed. It is proposed to pay attention to the personal biographies of shamans whose life passed in the pre-revolutionary and Soviet period. The very weak knowledge of this topic in Russian historiography is emphasized. As a demonstration of the potential of such a vector of research, only one of many previously unpublished archival documents is involved. The article focuses on the List of the Nanay Shamans of 1936, made by the well-known Far Eastern ethnographer A.N. Lipskiy (1890—1973). Based on this source and the conclusions of some researchers, the issue of the number and activities of shamans in the 1930s. among the Nanay — the largest among the indigenous Lower Amur peoples. The general historical background of this time is characterized. The origin and content of the List of the Nanay Shamans is analyzed. It is emphasized that the information available there — along with the study of family histories, genealogies and collections — makes it possible to continue research into the institute of shamanism among the peoples of this region at present.

Keywords: indigenous peoples of Lower Amur basin, the Lower Amur shamanism, repressed shamans, the Nanay, A.N. Lipskiy.

Внастоящей работе делается попытка обозначения одного из возможных векторов в дальнейшем исследовании нижнеамурского шаманизма и истории коренных народов в целом. Отправной точкой исследования является архивный документ 1936 г., ранее не привлекавшийся в соответствующей историографии, под оригинальным названием «Предварительный список шаманов Нанайского района» (далее — «Список Липского»). Анализируемый материал имеет прямое отношение к нанайцам — самому большому по численности народу среди тунгусо-маньчжурского населения бассейна Нижнего Амура. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2021 г. в России в целом проживало 11 623 нанайца, из них более 10 тыс. чел. — в Хабаровском крае. Нанайский район этого края является самостоятельной административно-территориальной единицей (образован в 1934 г.), более четверти его населения — нанайцы [9].

АВТОР «СПИСКА»

Составителем перечня является известный дальневосточный исследователь-этнограф 1920—1930-х гг. Альберт Николаевич Липский (1890—1973). Свою научную карьеру на Дальнем Восто-

ке он начал в составе Олгон-Горинской экспедиции 1917—1918 гг. под руководством В.К. Арсеньева. В период Гражданской войны 1918—1922 гг. провёл четыре самостоятельных длительных научных экспедиции в места проживания кур-урмийской группы нанайцев. После установления в регионе советской власти работал в местных государственных органах по национальному строительству, по возможности продолжая этнографические исследования. В советской историографии малых народов Дальнего Востока период 1923—1929 гг. выделен в самостоятельный этап, который совпадает «со временем восстановления Советской власти на Дальнем Востоке, с периодом социалистической реконструкции хозяйства, некапиталистического пути развития» [12, с. 24]. Именно в эти годы потребовались исследования от историков и этнографов о культуре и быте, социальной организации народов этого региона. Особенностью многих экспедиций, проводимых в те годы различными комиссиями и управлениями, был их прикладной характер: главным образом подготавливались материалы, необходимые для успешного осуществления национальной политики среди малых народов [12, с. 24—27].

По данным А.Э. Колесникова, извлечённым из хабаровского архива ФСБ, с 1922 по 1930 г. Липский также являлся негласным сотрудником дальневосточного подразделения ГПУ РСФСР с оперативным псевдонимом «Паксиной», что в переводе с нанайского означает «мастер», «талантливый человек». Гласным сотрудником он стал 1 октября 1930 г. Впоследствии Липский так объяснял это своё решение: «Уже невозможно было скрывать моё активное и неоднократное участие в оперативных мероприятиях органов госбезопасности». Последнее выразилось в его деятельном участии в разных ролях при подавлении антисоветских выступлений по всему Дальнему Востоку, в том числе и после 1930 г. Аттестационная комиссия при полпредстве ГПУ в 1934 г. пришла к выводу, что он «как работник, знающий туземные языки, обычаи, нравы и весь уклад жизни туземцев, а также как знающий побережье Охотского и Берингового морей, — незаменим». Полпред Т.Д. Дерibas и два его заместителя, подписавшие это заключение, спустя несколько лет были арестованы и расстреляны [4]. Липский избежал этой участи, так как в 1935 г. принял решение уволиться из органов: «Несмотря на то, что нарком внутренних дел наградил меня именным оружием и знаком почётного чекиста, я всё же решил подать заявление об уходе, чтобы посвятить себя целиком серьёзной научной работе. В объяснение своего решения я писал,

Рис. 1. А.Н. Липский. Фото периода 1918—1930 гг. Источник: [4]

Рис. 2. А.Н. Липский в Хакасском национальном краеведческом музее (г. Абакан). Фото периода 1943—1973 гг. Источник: [14]

что для этого необходимо не только время, но и возможность постоянно пользоваться научными библиотеками и архивами в Ленинграде» [2, с. 469] (рис. 1, 2).

После увольнения из органов через некоторое время Липский переехал в Ленинград и устроился на работу в Музей антропологии и этнографии (МАЭ) РАН «Кунсткамера». В должности начальника Нижнеамурского отряда комплексной экспедиции МАЭ он числился вплоть до своего ареста в 1938 г. [4; 11, с. 202]. Год составления перечня относится как раз к этому периоду его жизни. В самом документе нет пояснений, для чего или для кого он составлялся. Можно предположить, что его создание было рабочим моментом в подготовке к большой этнографической экспедиции на Нижний Амур в 1936 г., что косвенно подтверждается особым вниманием Липского к «шаманской» тематике в полевых сезонах 1936 и 1937 гг. Совместно с Московской кинофабрикой оборонных и гражданских фильмов тогда были сняты две полнометражные документальные ленты, посвящённые нанайским шаманам: «Мангобо-най — Амурский человек» и «Буни поктади — Дорогой мёртвых». Один из известных нанайских шаманов Богдано

Оненко (в «Списке Липского» указан под номером 13) получил денежное вознаграждение за инсценировку обрядов перед кинокамерой и даже выезжал в Москву для озвучивания фильма [4].

В августе 1938 г. Липский был арестован и обвинён по ст. 58-1а УК РСФСР. Произошло это в Хабаровске, куда он прибыл для продолжения научной полевой работы. «Вещественным» доказательством его контрреволюционной деятельности был отрывок

из текста его первой научной публикации по этнографии нанайцев, изданной ещё в 1918 г.: «...На живых примерах примитивных народностей можно с очевидностью уяснить себе стремления отнюдь не индивидуальности к коллективу, ныне пресловутому социализму, а наоборот, от коллектива-народа к роду и большой семье и от последней к семье индивидуальной и индивидуализму, как таковому» [4; 6, с. 3]. Колесников сообщает, что через двадцать лет эта цитата была приобщена к следственному делу Липского. В постановлении от 31 мая 1939 г. оперуполномоченный 3-го отдела УГБ УНКВД по Хабаровскому краю сержант госбезопасности Романов определил, что приведённая цитата не что иное, как «буржуазное учение о развитии общества», в котором «подследственный» «клеветает на учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина о развитии человеческого общества и построении социализма» [4]. Следствие было закончено 29 июня 1939 г. Особым совещанием при НКВД СССР Липский после почти года тюремного заключения был осуждён «за участие в контрреволюционной националистической организации» и приговорён к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на пять лет. Отбыв срок в лагере под Комсомольском-на-Амуре, затем в Амурской области, А.Н. Липский в 1943 г. устроился в краеведческий музей в Абакане, где работал до конца жизни. В 1955 г. был реабилитирован за отсутствием состава преступления [4; 11, с. 201—202].

Липский является довольно неоднозначной фигурой, вполне соответствующей своей исторической эпохе. В современной историографии его личности даются прямо противоположные оценки. С одной стороны, его «образ преодолевающего трагические препятствия героя» сформировал С.И. Вайнштейн [2]. Образ Липского как «злодея» или «этнографа с пистолетом» возник стараниями А.А. Хисамутдинова, который считает, что именно Липский в 1920-е гг. сыграл роковую роль в судьбе В.К. Арсеньева: сначала оклеветав его как коллегу-учёного, затем организовав травлю и преследование с позиций сотрудника ОГПУ [15]. Эта историографическая оценка была сформулирована А.Э. Колесниковым, который в свою очередь сделал попытку беспристрастного и последовательного хронологического изложения биографии и событий жизни Липского. Основой его работы стали документы, хранящиеся в Управлении ФСБ по Хабаровскому краю. В итоге он пришёл к выводу, что «человек с уникальным опытом, специальными знаниями и широкими связями в туземной среде, А.Н. Липский был обречён на повышенное внимание к себе

дальневосточных органов госбезопасности». Вместе с тем версию Хисамутдинова о месте Липского в жизни и смерти В.К. Арсеньева он документально не подтверждает, хотя приводит несколько косвенных свидетельств в её пользу [4].

«СПИСОК» НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

Несмотря на противоречивые факты биографии Липского, его профессионализм как исследователя не оспаривается даже теми, для кого он является однозначно зловещей фигурой. Например, один из авторитетных биографов Арсеньева А.А. Хисамутдинов признавал, что Липский «был талантлив, фанатичен в работе, его наблюдения отличались скрупулёзностью и точностью...» [15]. Несомненная научная ценность его нижнеамурских коллекций периода 1917—1927 гг. признана многими исследователями. В то время у нанайцев ещё сохранялся язык, старый быт, обычаи и верования, фольклор. Их хранителями были старики. В начале этого десятилетия Липский вместе с женой, известным лингвистом Н.А. Липской-Вальронд (1895—1942), только у нанайцев бассейна рек Кур, Урми и Тунгуска насчитал 66 чел. в возрасте от 80 до 95 лет [МАЭ РАН. Ф. 5. А.Н. Липский и Н.А. Липская-Вальронд. Оп. 1. Д. 70 (пакет)]. Особую признательность Липский выражал «старикам Ганьке» — шаману и сыну *касаты*-шамана по имени Ганял Бельды Актанка, помогавшему этнографам в течение пяти лет. Ему он посвятил две первых своих публикации, считал «другом и учителем» [7, с. 3]. Именно высокий уровень учёного как этнографа-полевика снимает вопрос о степени достоверности информации, представленной в «Списке» шаманов. Некоторые из перечисленных там лиц в той или иной степени были знакомы советскому послевоенному поколению этнографов.

Современным местом хранения «Предварительного списка шаманов Нанайского района» является архив Музея этнографии и антропологии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в г. Санкт-Петербурге. «Список» входит в состав фонда А.Н. Липского и Н.А. Липской-Вальронд [МАЭ РАН. Ф. 5. А.Н. Липский и Н.А. Липская-Вальронд. Оп. 2. Д. 59. Л. 67]. По содержанию «Список Липского» является пофамильным перечнем шаманов, проживавших в Нанайском районе Хабаровского края. Документ был создан в 1936 г. В нём перечислены 42 шамана. Из них — 25 чел. были мужчинами, 17 — женщинами. Указаны личное имя и фамилия

(родовое имя) шаманов. У женщин приведена также добрачная фамилия. Родовое имя одной шаманки из стойбища Зипу написано неразборчиво. Перечисляются места постоянного проживания нанайских шаманов. Всего упоминаются 22 стойбища: Верхний Кангар, Сикачи-Алян, Муху, Курун, Найхин, Эморон, Серенда, Хаю, Дондон, Зари, Верхний Нерген, Нижний Нерген² и др. Возраст шаманов не приводится. Они принадлежали к нанайским родам Донкан (1 чел.), Онинка (6), Перминкэ (1), Бельды (8), Пасхар (2), Гэйкер (2), Заксор (2), Хэээр (10), Озыл (7) и Килэ (2).

Самое большое количество шаманов (с учётом добрачной фамилии у женщин — 15 чел.) происходило из рода Бельды. Шесть человек из «Списка Липского» являлись «большими», или *касаты*-шаманами. Последние были особой категорией шаманов у всех тунгусо-маньчжурских народов Нижнего Амура. В частности, только они проводили *касатаури* — длительный обряд проводов душ умерших в мир мёртвых *бун* [13, с. 51—53]. Все *касаты*-шаманы являлись мужчинами и происходили из родов Онинка (2 чел.), Бельды (2), Гэйкер (1) и Заксор (1).

Даже с учётом неполноты имеющихся данных о численности шаманов у народов Нижнего Амура в довоенный период очевидно, что «Список Липского» был действительно «предварительным». По архивным источникам, выявленным в 1990-х гг. сотрудником Хабаровского краеведческого музея Т.А. Мельниковой, к середине 1937 г. только в Нанайском национальном районе насчитывался 71 шаман. Приводится и другая цифра — 130 шаманов. Но источник, на который она ссылается, по сути является «обвинительной докладной», появившейся в связи со слабой антирелигиозной деятельностью руководства района. Поэтому в этом случае нельзя исключать сознательное преувеличение, специально сделанное автором докладной [8].

Интерес учёных к теме политических и религиозных репрессий 1930-х гг. у коренных народов Нижнего Амура, как и сама возможность таких исследований, появились только после распада Советского Союза. Упомянутое выше исследование Т.А. Мельниковой о репрессированных шаманах — представителях народов региона стало одним из первых вкладов в эту тему. Эпизодические упоминания о судьбе отдельных нижнеамурских шаманов встречаются в исследованиях некоторых дальневосточных этнографов. В этом аспекте можно выделить небольшую работу

² Здесь и далее имена и географические названия приведены в орфографии оригинала документа.

С.В. Березницкого, изданную в 1997 г. и посвящённую непосредственно этой теме [1]. Автор публикует записанные им воспоминания о судьбе шаманов того времени от шести своих информаторов — представителей орочей, удэгейцев, негидальцев, нивхов и ульчей. В связи с обсуждаемым в настоящей статье вопросом, нужно отметить один из тезисов этого исследования: «Сегодня представители дальневосточных этносов... *прекрасно помнят* (Здесь и далее выделено мною. — Е.Р.) то время, мощное идеологическое воздействие, ломку традиционных устоев и культуры, *массовые аресты сородичей*» [1, с. 220]. Т.А. Мельникова пришла к выводу, что в конце 1930-х гг. «массовых масштабов данного вида репрессий в отношении шаманов не выявлено», хотя многочисленные факты политических гонений на коренное население в целом она допускает [8]. С нею соглашается журналист из Хабаровска Е.В. Глебова: «Тема репрессий среди аборигенов Севера не слишком изучена, — писала она в 2006 г., — хотя из стойбищ забирали людей, и они бесследно исчезали. А малограмотные родственники не знали, где искать, куда обращаться. Многие семьи коренных малочисленных народов, чьих родных уничтожила жестокая история, так и не получили каких-либо сведений о реабилитации, о месте захоронения и т.д.» [3, с. 5].

Основой газетной публикации Глебовой были записанные ею воспоминания родственников репрессированных. «Шаманы представлялись главными врагами Советской власти, — писала она. — В 1920—1930-х годах посредников между сородичами и духами сажали в тюрьму, налагали штрафы, отбирали у них шаманские атрибуты, сжигали идолов и даже... лишали избирательных прав, что автоматически вело к потере работы и, соответственно, лишало куска хлеба. За связь с шаманами страдали и обычные люди, которые обращались к ним для изгнания болезни или совершения погребального обряда». Глебова отмечает, что в современных «экспозициях дальневосточных музеев можно встретить шаманские пояса, бубны, ритуальную скульптуру. Многие из этого попало в фонды в годы гонений: что-то сжигали, топили в реке, а что-то передавали в музеи. К примеру, в 1930-м в краеведческий музей им. Гродекова в г. Хабаровске попали шаманские „компас“ и „знамя“, отобраанные туземным советом у шамана Кешки („Кяньки“) Оненко из стойбища Дондон» [3, с. 5; 8]. В «Списке Липского» шаман «Кяньки Онинка» указан под номером 18.

По результатам своих изысканий Т.А. Мельникова предложила следующую периодизацию взаимоотношений советской

власти и института шаманства на Нижнем Амуре: 1. Середина 1920 — начало 1930-х гг.: лишение шаманов избирательных прав, они включены в одни списки с православными священниками. 2. Середина 1930-х гг.: насильственное уничтожение шаманского снаряжения и атрибутов, исключение из рядов колхозников, снятие с работы. 3. Конец 1930-х гг.: аресты. 4. 1945—1980-е гг.: запрет на шаманскую деятельность не отменяется, но степень его соблюдения со временем снижается (в 1960-е гг. были случаи применения к действующим шаманам административных мер — штрафов; в 1970—1980-е гг. запрет становится скорее формальным). В рамках этой периодизации появление «Списка Липского» в 1936 г., учитывая дальневосточный стаж его работы в органах ГПУ, могло преследовать и вторую цель — создать основу для антирелигиозной работы с конкретной категорией людей. Однако доказательств этому нет. Как нет и копии этого документа в следственном деле Липского. Из перечисленных в «Списке» шаманов известно точно о судьбе только одного из них: *касаты*-шаман Оненко Богдан Лондович, 1872 г. р., из с. Найхин был арестован 12 сентября 1937 г. по статье 58-10 УК РСФСР и расстрелян 21 октября этого же года [16, с. 176] (у Колесникова дата смерти Оненко: 22 ноября [4]).

В «Списке» шаманов будущий «контрреволюционер» Богдан Оненко указан под номером 13. Маловероятно, что Липский был виноват в его аресте: именно этот нанайский шаман в тот период был его главным помощником в полевой работе. После возвращения Оненко из Москвы, где тот получил хорошие гонорары за работу над снятыми фильмами про шаманов, теперь уже на самого Липского стали поступать доносы с обвинением в «антисоветской деятельности среди нанайцев». На эти доносы Липский ответил в духе своего времени: 26 апреля 1937 г. опубликовал в краевой газете «Тихоокеанская звезда» статью «Преступная шайка хозяйничает в Нанайском районе», где сообщал о нарушениях революционной законности районным партактивом и вредительской деятельности руководства колхоза «Новый путь» в с. Найхин. На публикацию отреагировала краевая прокуратура: в Нанайский район направили прокурора и старшего следователя. В октябре этого же года председатель Нанайского райисполкома Б.И. Ходжер был арестован и через полгода расстрелян [4].

Как и по всей стране, арест одного человека предопределял судьбу как его близких, так и просто соседей и знакомых. Т.А. Мельникова опубликовала любопытный документ 1937 г. «Об итогах проверки работы Дадинского сельского Совета и правления колхоза».

По своей сути это была не просто докладная записка, а настоящий донос, если учитывать реалии того времени:

«Плохой работой сельского Совета и правления колхоза воспользовались шаманы. С новой Конституцией они активизировали работу. Если в 1935 году работал один шаман Бельды Пельха, то сейчас активно работают девять шаманов: Бельды Пельха, Заксор Ога, Геккель Башля, Геккель Еголи, Бельды Кенго, Бельды Тайпи, Бельды Ольга, Бельды Сенчена, Бельды Ацюнга. Шаман Бельды Пельха (единоличник) своим влиянием на отдельных колхозников разлагает колхоз. Колхозник Бельды Ингену имеет тесную связь с шаманом Бельды Пельха, под его влиянием Бельды Ингену с двумя сыновьями Дема и Декембу и звеньевым бригадиром Оненко Пуктанга ушли из колхозной рыболовецкой бригады в другой чужой водоём и не выполняют план рыбодобычи (вместо 35 цен. сдали 5 цен. И остальную продают). Сельский совет и комсомольская организация, по существу, не вели никакой борьбы с шаманством, как, например, родители председателя сельского Совета Киле Анатолия и секретаря комсомольской организации Бельды Ивана справляют поминки (июль 1937 года) с шаманами» [8].

Два шамана, упомянутых в этой «докладной», присутствуют и в «Списке Липского»: это «Геккель Еголи» (№ 10) и «Бельды Ацюнга» (№ 12). Их дальнейшие биографии, как и других семи шаманов и остальных людей, упомянутых в этом документе, пока не известны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Шаманская практика народов Нижнего Амура во всем её многообразии — это уникальный культурный феномен, созданный и сохранённый ранее бесписьменными народами. «Список Липского» ярко отражает степень устойчивости шаманизма у коренного населения этого региона спустя почти пятнадцать лет после установления советской власти на Дальнем Востоке. Начиная с 1930-х гг. действующие здесь шаманы, как и по всей стране, в полной мере испытали на себе антирелигиозную политику новой власти. Они были свидетелями и жертвами трансформации культуры своих народов. Обязанность борьбы с шаманством была возложена на советские и партийные органы. Коммунисты и комсомольцы ходили по сёлам, отбирали и сжигали предметы шаманского культа. Лишь в отдельных случаях такие вещи

попадали в музеи. Одновременно в советский период различными исследователями на местных языках были сделаны письменные записи ряда шаманских текстов и создана небольшая фонотека. Часть записей до сих пор не расшифрована и не переведена на русский язык. «Список Липского» — в том числе яркая иллюстрация и того, что, скорее всего, потеряно окончательно.

Антирелигиозная политика наряду с политическими репрессиями против шаманов за несколько советских десятилетий практически уничтожили древний институт нижнеамурского шаманства. Известный отечественный этнограф А.В. Смоляк констатировала, что уже в 1970—1980-е гг. было очень непросто собирать информацию о шаманах и их деятельности. Среди её семи информаторов — нанайских шаманов — уже не было ни одного имени из «Списка Липского» [13, с. 267]. Тем не менее отдельные верования, связанные с шаманизмом, сохраняются вплоть до настоящего времени. «Окно возможностей» пока ещё не закрыто: во многих научных работах советского и постсоветского периодов так или иначе описывалась шаманская практика и предметы этого культа. В частности, и автор настоящей работы ещё в полевой сезон 1994 г. был свидетелем реальной (не инсценированной) шаманской практики в с. Найхин Нанайского р-на Хабаровского края (рис. 3, 4, 5, 6).

В целом для дальнейших исследований истории политических репрессий у народов Нижнего Амура периодизация, предложенная Т.А. Мельниковой, представляется удачной рабочей схемой. И не только для изучения шаманизма, поскольку репрессиям в той или иной степени подвергались и обычные представители коренных народов этого региона. Очень важны сбор и анализ микроисторий — на уровне генеалогий отдельных семей и работа с культовыми предметами, всё ещё хранящимися в семьях. Также необходима систематическая работа с доступными документами из архивов ФСБ, особенно со следственными делами, содержащими автобиографические данные репрессированных людей. Именно такую работу уже начали сахалинские краеведы и архивисты. Первым к ней приступил историк В.Л. Подпечников, опубликовавший в 1999 г. сводный список репрессированных представителей народов Сахалина, в котором упоминаются не только нивхи и ороки, но также — эвенки и тунгусы [10]. Сахалинские архивисты дополнили его материалы. Результаты их совместной работы были опубликованы в 2022 г. [5]. Перечислены имена 155 человек, репрессированных в период 1933—1946 гг. Из них почти каждый

Рис. 3. Нанайская шаманка Линдзя Актанка (по матери — Бельды), 1912 г. р. Фото Е.В. Рудниковой, май 1994 г., пос. Найхин Нанайского р-на Хабаровского края

Рис. 4. Одна из сцен подготовки к шаманскому обряду по исцелению члена семьи. Справа: Л. Актанка. Фото Е.В. Рудниковой, май 1994 г., пос. Найхин Нанайского р-на Хабаровского края

Рис. 5. Колотушка от шаманского бубна. Принадлежала Л. Актанка. Фото Е.В. Рудниковой, май 1994 г., пос. Найхин Нанайского р-на Хабаровского края

Рис. 6. Культовый предмет пиухэ из семейной коллекции Р.Ф. Бельды, 1940 г. р. Фото Е.В. Рудниковой, май 1994 г., пос. Найхин Нанайского р-на Хабаровского края

третий — 47 человек — были расстреляны. Из материалов архивных следственных дел следует, что аресты среди малочисленных народов Сахалина начались уже в 1933 г. В 1934 г. органами ОГПУ было сфабриковано дело «Островные», но основная доля арестов пришлась на 1937/38 гг. Неграмотных рыбаков, охотников и оленеводов разного возраста обвиняли по всему спектру 58 ст. УК РСФСР: шпионаж, участие в контрреволюционной шпионско-повстанческой организации или в шпионско-диверсионной группе. Аборигенов обвиняли в антисоветской и «японофильской» агитации, в «сотрудничестве с японцами до 1925 г.» и т.п. Лиц, осуждённых конкретно за религиозную (шаманскую) деятельность, в этом перечне нет. Многие из тех, кто получил различные лагерные сроки, впоследствии умерли в тюрьмах, на пересылках и в лагерях [5, с. 197—226].

Как признаются дальневосточные этнографы, мы в большом долгу перед народами региона, представители которых десятилетиями

бескорыстно делились с учёными разнообразной информацией о своей культуре и активно помогали им в научных исследованиях. Восстановление этой трагической страницы в советской истории коренных народов Нижнего Амура является одной из актуальных задач современного периода этнографических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березницкий С.В. Отражение политических репрессий 30-х гг. XX в. в рассказах и воспоминаниях коренных народов Нижнего Амура // Политические репрессии на Дальнем Востоке (20—50-е гг.). Матер. первой Дальневосточной науч.-практ. конф. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. С. 220—229.
2. Вайнштейн С.И. Романтика и трагедии в судьбе Альберта Николаевича Липского // Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917—1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 455—492.
3. Глебова Е.В. Дальневосточные волхвы: Советская власть против шаманов: (о репрессированных шаманах коренных народов Приамурья) // Культура. 2006. 16—22 марта. С. 5.
4. Колесников А.Э. Этнограф на службе в ОГПУ: Альберт Николаевич Липский // VII Гродековские чтения. Дальний Восток России: мультикультурное пространство в XIX—XXI вв. Матер. межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2012. С. 143—160.
5. Коренные малочисленные народы Севера Сахалинской области: история в документах / 1925—1941 гг.: аннотированный перечень документов и материалы / Министерство культуры и архивного дела Сахалинской области, Государственный исторический архив Сахалинской области; сост. М.В. Гридяева (отв.). Южно-Сахалинск: Островная библиотека, 2022. 272 с.
6. Куренков Г.Д. (А.Н.Л.) Материалы по этнографии гольдов. Вып. 1. Материальная культура. Опыт общего обзора наблюденных явлений, введение к детальному их описанию. Верхнеудинск, 1918. 35 с.
7. Липский А.Н. Элементы религиозно-психологических представлений гольдов. Чита, 1923. 58 с.
8. Мельникова Т.А. Как Сталин боролся с шаманами. URL: <https://bessmertnybarak.ru/article/shamany/> (дата обращения: 01.01.2021).
9. Национальный состав Российской Федерации. Перепись населения 2021 г. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FTom5_tab1_VPN-2020.xlsx&wdOrigin=BROWSELIN (дата обращения: 10.03.2023).
10. Подпечников В.Л. Список репрессированных из числа коренных народов Сахалина и других народов Севера // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск. 1999. № 1. С. 99—123.
11. Рудникова (Шаньшина) Е.В. К вопросу об истории и участниках Олгон-Горинской экспедиции В.К. Арсеньева 1917—1918 гг.: полевые дневники А.Н. Липского // Проблемы изучения традиционных сообществ тихо-

- океанской России. Сб. научн. тр. к 90-летию со дня рождения Ю.А. Сема и Л.И. Сем. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. С. 200—213.
12. Сем Ю.А. Советская историография малых народов Дальнего Востока // Культура народов Дальнего Востока, XIX—XX вв. Владивосток: ДВНЦ, 1978. С. 24—27.
 13. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
 14. Таштандинов И.И. Альберт Николаевич Липский (к 120-летию со дня рождения) // Межрегион. науч. конф., посвящ. 120-летию А.Н. Липского, Абакан, 28 октября 2010 г. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2011. С. 14—18.
 15. Хисамутдинов А.А. «Честь имею» — Владимир Арсеньев. Ч. 44. Этнограф Куренков, а по совместительству чекист Липский. URL: <http://xn--80arhn.xn--p1ai/news/2022-12-19/chest-imeyu-vladimir-arsenev-chast-44> (дата обращения: 01.02.2023).
 16. «Хотелось бы всех поимённо назвать»: Кн.-мартиролог в 6 т. Т. 2: Л—Ф. Комсомольск-на-Амуре, 1999. 403 с.
 17. МАЭ РАН (Арх. Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН).

REFERENCES

1. Bereznitskiy S.V. Otrazhenie politicheskikh repressiy 30-kh gg. XX v. v rasskazakh i vospominaniyakh korennykh narodov Nizhnego Amura [Reflection of Political Repression of the 30s. 20th Century in the Stories and Memories of the Indigenous Peoples of Lower Amur]. *Politicheskie repressii na Dal'nem Vostoke (20—50-e gg.)*. Mater. pervoy Dal'nevostochnoy nauch.-prakt. konf. [Political Repression in the Far East (20s—50s). Materials of the First Far Eastern Scientific and Practical Conference]. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 1997, pp. 220—229. (In Russ.)
2. Vaynshteyn S.I. Romantika i tragedii v sud'be Al'berta Nikolaevicha Lipskogo [Romance and Tragedies in the Fate of Albert Nikolaevich Lipsky]. *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov — zhertvy politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917—1991)* [People and Fates. Bio-Bibliographic Dictionary of Orientalists — Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917—1991)]. Saint Peterburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2003, pp. 455—492. (In Russ.)
3. Glebova E.V. Dal'nevostochnye volkhvy: Sovetskaya vlast' protiv shamanov: (o repressirovannykh shamanakh korennykh narodov Priamur'ya) [Far Eastern Magi: Soviet Power against Shamans: (about Repressed Shamans of Indigenous Peoples of the Amur Region)]. *Kul'tura*, 2006, 16—22 March, p. 5. (In Russ.)
4. Kolesnikov A.E. Etnograf na sluzhbe v OGPU: Al'bert Nikolaevich Lipskiy [Ethnographer in the Service of the OGPU: Albert Nikolaevich Lipsky]. *VII Grodekovskie chteniya. Dal'niy Vostok Rossii: mul'tikul'turnoe prostranstvo v XIX—XXI vv.* Mater. mezhhregion. nauch.-prakt. konf. [VII Grodekov Readings. Far East of Russia: Multicultural Space in the 19th—21st Centuries. Materials of the Interregional Scientific and Practical Conference]. Khabarovsk, KhKM im. N.I. Grodekova Publ., 2012, pp. 143—160. (In Russ.)
5. *Korennyye malochislennyye narody Severa Sakhalinskoy oblasti: istoriya v dokumentakh, 1925—1941 gg.: annotirovannyy perechen' dokumentov i materialy* [Native Minorities of the North of the Sakhalin District: History through Documents,

- 1925—1941 Years: the Annotated List of Documents and Materials]. Ministerstvo kul'tury i arkhivnogo dela Sakhalinskoy oblasti, Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Sakhalinskoy oblasti. Comp. by M.V. Gridyaeva. Yuzhno-Sakhalinsk: Ostrovnaya biblioteka Publ., 2022, 272 p.
6. Kurenkov G.D. (A.N.L.) *Materialy po etnografii gol'dov. Vyp. 1. Material'naya kul'tura. Opyt obshchego obzora nablyudennykh yavleniy, vvedenie k detal'nomu ikh opisaniyu* [Materials on the Ethnography of the Gold. Iss. 1. Material Culture. The Experience of a General Overview of the Observed Phenomena, an Introduction to Their Detailed Description]. Verkhneudinsk, 1918, 35 p. (In Russ.)
 7. Lipskiy A.N. *Elementy religiozno-psikhologicheskikh predstavleniy gol'dov* [Elements of Religious and Psychological Representations of the Golds]. Chita, 1923, 58 p. (In Russ.)
 8. Mel'nikova T.A. *Kak Stalin borolsya s shamanami* [How Stalin Fought Shamans]. Available at: <https://bessmertnybarak.ru/article/shamany/> (accessed 01.01.2021). (In Russ.)
 9. *Natsional'nyy sostav Rossiyskoy Federatsii. Perepis' naseleniya 2021 g.* [National Composition of the Russian Federation According to the Census of 2021 Year]. Available at: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FTom5_tab1_VPN-2020.xlsx&wdOrigin=BROWSELIN (accessed 10.03.2023). (In Russ.)
 10. Podpechnikov V.L. Spisok repressirovannykh iz chisla korennykh narodov Sakhalina i drugikh narodov Severa. *Kraevedcheskiy byulleten'* [Local History Bulletin]. Yuzhno-Sakhalinsk, 1999, no. 1, pp. 99—123.
 11. Rudnikova (Shan'shina) E.V. K voprosu ob istorii i uchastnikakh Olgon-Gorinskoy ekspeditsii V.K. Arsen'eva 1917—1918 gg.: polevye dnevniki A.N. Lipskogo [To the Question of the History and Participants of the Olgon-Gorinsky Expedition of V.K. Arseniev 1917—1918: Field Diaries of A.N. Lipskiy]. *Problemy izucheniya traditsionnykh soobshchestv tikhookeanskoy Rossii*. Sb. nauchn. tr. k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.A. Sema i L.I. Sem [Problems of Studying the Traditional Communities of Pacific Russia. Collection of Scientific Works on the 90th Anniversary of the Birth of Yu.A. Sem and L.I. Sem]. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2016, pp. 200—213. (In Russ.)
 12. Sem Yu.A. Sovetskaya istoriografiya malykh narodov Dal'nego Vostoka [Soviet Historiography of Small Peoples of the Far East]. *Kul'tura narodov Dal'nego Vostoka, XIX—XX vv.* [Culture of the Peoples of the Far East, 19th—20th Centuries]. Vladivostok, DVNTs Publ., 1978, p. 24—27. (In Russ.)
 13. Smolyak A.V. *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (Narody Nizhnego Amura)* [Shaman: Personality, Function, Worldview (Peoples of Lower Amur)]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 280 p. (In Russ.)
 14. Tashtandinov I.I. Al'bert Nikolaevich Lipskiy (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya) [Albert Nikolaevich Lipskiy (to the 120th Birth Anniversary)]. *Mezhregion. nauch. konf., posvyashch. 120-letiyu A.N. Lipskogo*, Abakan, 28 oktyabrya 2010 g. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izd-vo Publ., 2011, pp. 14—18. (In Russ.)
 15. Khisamutdinov A.A. «Chest' imeyu» — Vladimir Arsen'ev. Ch. 44. *Etnograf Kurenkov, a po sovместitel'stvu chekist Lipskiy* ["I have the honor" — Vladimir Arseniev. Part 44. Ethnographer Kurenkov, and Part-Time Chekist Lipskiy]. Available at: <http://xn--80aphn.xn--p1ai/news/2022-12-19/chest-imeyu-vladimir-arsenev-chast-44> (accessed 01.02.2023). (In Russ.)
 16. «Khotelos' by vsekh poimenno nazvat'»: Kn.-martirolog v 6 t. T. 2: L—F ["I would Like to Name Everyone by Name": Martyrology Book in 6 vol. Vol. 2: L—F]. Kom-somol'sk-na-Amure, 1999, 403 p. (In Russ.)